

Образование и экономика: кто кому поможет?

Александр НОВИКОВ, академик Российской академии образования

За последние десять лет российское образование, пройдя сложный путь в своём развитии, не избавившись от многих парадоксов прошлого, втянулось в новые. «Базовым парадоксом» назвал бы я моду на так называемую реформу образования. Это слово настолько навязло в зубах, что в последние месяцы его заменили на более спокойные понятия — развитие, модернизацию, что в общем-то ближе к истине. Реформа в первоисточнике означает «изменение формы». Основной парадокс и заключается в том, что если рассматривать в единстве диалектические категории «содержание — форма», то как раз форма организации образования осталась в большинстве своём прежней, старой. А стремительно меняться и часто далеко не в лучшую сторону стало содержание образования.

Вслед за парадоксом базовым выделю ещё один, новый: «вперед, к постиндустриальному обществу!». В отечественной образовательной среде концепция постиндустриального (информационного) общества стала модной. Суть её в том, что развитые страны прошли путь индустриального развития, что техника и материальное производство перестали играть ведущую роль и большинство населения будет занято созданием и переработкой информации, трудиться в сфере культуры, искусства и т.д. И многие наши российские образовательные структуры устремились в это модное течение, как утлая лодчонка на стремнину. Из школы изъяли трудовое обучение — «нынче это не модно!». Но поскольку совсем ликвидировать труд невозможно, его заменили совершенно расплывчатой предметной областью «технология», а теперь назвали её ещё более непонятно применительно к существующему содержанию образования: «технология и предпринимательство». Профессиональные учебные заведения стали готовить в массовых масштабах юристов, экономистов, маркетологов, культурологов, резко сократив подготовку инженеров, техников, индустриальных рабочих. Плоды этой пагубной «моды» мы уже в полной мере пожинаем: **предприятиям и стройкам остро нужны кадры, а система образования их десять лет практически не готовила.** В результате сегодня на наших стройках работают в основном турки, югославы, молдоване, украинцы и очень мало россиян.

Не рано ли российское образование стало ориентироваться на постиндустриальное общество?! Давайте разберёмся, что кроется за этим понятием. **Да всё та же активно пропагандируемая в странах Запада так называемая «теория золотого миллиарда» или то же, но с более туманным названием — «глобализация информации».** За этим туманным названием кроется весьма чёткая позиция 7–10 развитых стран: разделить все страны на три сорта — постиндустриальные («интеллектуальные», «информационные»); индустриальные и сырьевые, сельскохозяйственные.

Постиндустриальные страны — это якобы элита, которая производит «знания» («информацию») — в том числе научные, создаёт наукоёмкие технологии и т.д. Они же будут определять «дозы» передачи этого знания всему остальному человечеству.

Вторая группа стран на основе переданной «информации» будет обеспечивать материальное производство, необходимое всему человечеству, но в первую очередь, конечно, странам элитной группы.

Третья, самая «низкая» группа стран станет производить сырьё, сельскохозяйственную продукцию, довольствуясь минимальным уровнем получаемой «информации» и минимальным уровнем жизни. Понятно, надеюсь, какая судьба уготована нашей России?

Теория «золотого миллиарда» активно реализуется всеми средствами — финансовыми, военными, политическими, информационными, в первую очередь США, так называемой «семёркой» и НАТО. При этом ничуть не скрывается, что при современном уровне развития этих стран объём потребляемых ими ресурсов (финансовых, сырьевых и энергетических) таков, что остальные страны мира вряд ли смогут дальше развиваться из-за ограниченности

ресурсов планеты. По некоторым подсчётам, **2% населения Земли потребляют сегодня 60% её ресурсов.**

Естественно, всё это вызывает крайнее возмущение во многих, не столь «богатых», развитых странах мира. И события 11 сентября 2001 г. при всей чудовищной их жестокости — это реакция на теорию «золотого миллиарда». Кроме того, ориентация лишь на постиндустриальное, информационное общество создаёт опасность нестабильности для любой страны, и в первую очередь США. Там практически ликвидированы многие отрасли промышленности, в том числе лёгкая, в упадке ведущая когда-то отрасль — автомобильная промышленность и т.д. Страна становится полностью зависимой от импорта, и в случае каких-либо новых катаклизмов это грозит экономическим крахом.

Альтернативой «теории золотого миллиарда» — другой подход: развитие и возвышение в каждом человеке духовного и интеллектуального начала при удовлетворении разумных материальных потребностей всех людей планеты.

С учётом всего этого в развитии российского образования нужен сбалансированный подход, органично сочетающий **информатизацию, индустриальные компоненты и социальные, культурные.**

К новым парадоксам относится «гуманитаризация образования». Чаще всего в публикациях, в выступлениях большинства авторов, пишущих на педагогические темы, она рассматривается только лишь как увеличение удельного веса гуманитарных предметов в учебных планах школ, профессиональных училищ и вузов. Но это лишь одно из направлений. Широкая мода на гуманитаризацию образования в узком смысле — **довольно опасная тенденция очередного крена, дисбаланса в общем и профессиональном образовании,** проявление широко распространённого ныне во всём мире течения — антисциентизма («антинаучности»).

Многие читатели, наверное, помнят знаменитую дискуссию «физиков и лириков», развернувшуюся в средствах массовой информации и в художественной литературе конца 50 — начала 60-х годов. Тогда победили «физики» — общество пошло по пути преимущественно технократического развития. Сегодня определённо берут верх «лирики»: снижение темпов научно-технического прогресса, экологические катастрофы, мутагенная среда, манипуляции с общественным и индивидуальным сознанием, геновая инженерия, ситуации, когда человек становится игрушкой в руках слепых сил, которые сам же и порождает, — всё это создаёт во многих странах многочисленные антисциентистские движения как отказ от достижений науки и техники. Проявление этого, в частности, — и тенденция гуманитаризации образования как противопоставление гуманитарных компонентов естественнонаучным и техническим (технологическим).

В образовании одним из проявлений антисциентизма, пожалуй, наиболее опасным стал так называемый «культурологический подход». Что это такое, сказать трудно. И до сих пор никто вразумительно этого не сделал. Я добросовестно прочитал все учебники культурологии, имеющиеся сегодня в распоряжении учителей, но нигде **определения предмета этой так называемой «науки» не нашёл.** Казалось бы, судя по названию, это должно быть учение о культуре. Но культура в широком смысле — это всё, что создано человеческой цивилизацией: научные знания, произведения искусства, все здания и сооружения, техника, технология, человеческие умения и т.д. Однако у «культурологов» речь об этом не идёт. Культурология в их понимании — нечто такое, что не связано с техникой, с технологией, с экономикой, с производством. В связи с этим в литературе по проблемам образования широко распространились в последнее время термины «социокультурная среда», «социокультурная ситуация». Содержание этих понятий также совершенно не определено, размыто, надуманно — как будто экономика, производство не входят в социокультурную среду. А откуда берутся хлеб, молоко, одежда и обувь для этого «социо», и для «культурологов» в частности?

В наиболее крайнем виде позиция представителей «культурологического» подхода в образовании формулируется так: раз сейчас в России экономика не работает, производство стоит, наука не финансируется, давайте учить молодёжь «культуре» — заменим математику

на риторику, физику на хореографию, химию на религиоведение, в полном соответствии с «кукушкиным принципом» — каждый новый предмет выталкивает из гнезда школьных знаний своих собратьев. Тем более что нынешняя произвольная система совершенствования содержания образования это позволяет, да и ученики и их родители зачастую довольны: не надо изучать трудные предметы — источник плохих оценок. **Очень опасная эта тенденция! И крайне вредная.**

К сожалению, в обществе укоренились довольно-таки устойчивые заблуждения о разделении естественнонаучного, технического и гуманитарного образования; конфронтации между естествознанием и гуманитарной культурой. Но мы все живём в особом типе культуры — техногенной, именно она-то и вывела человечество на путь прогресса, хотя и принесла нам немало бедствий.

Люди (в подавляющем большинстве) сегодня живут в особом, искусственно созданном ими же мире — подавляющую часть времени проводят в зданиях, автомобилях, в метро, на асфальтированной улице, крайне редко вырываясь, что называется, на «дикую природу», которой, кстати, почти и не осталось, поскольку поля, луга, леса также трансформировались под влиянием хозяйственной деятельности человека.

Но, помимо внешней стороны жизни, техногенная культура (в частности, естественные, математические и технические науки) существенно изменяют и наш менталитет. Как только естествознание, математика, основы техники и технологии вошли в структуру образования, они стали менять человеческое мышление, придавая ему критически-аналитическую рациональность, приучая людей к анализу явлений, к поиску альтернативных решений, к относительности систем отсчёта, к чёткости понятий и логических операций. Российское (а точнее, советское) естественно-математическое образование в течение многих десятилетий имело достаточно высокий приоритет, снижать который сегодня было бы крайне нежелательно. С проблемой сохранения и возрождения естественно-математического образования уже столкнулись многие страны мира. Так, например, в США только 20% выпускников университетов прошли хоть какой-то курс физики. Там очень большой отток учителей физики и математики из школ — на каждого принятого на работу 13 увольняющихся, несмотря на то что государство пытается регулировать процесс, значительно увеличивая зарплату учителям этих предметов. Между тем, как отмечают американские исследователи, **эффективность педагогической деятельности в трудовом воспитании, в естественнонаучных областях оказывает непосредственное влияние на жизнеспособность экономики и на качественный состав рабочей силы, а значит, и на жизненную успешность выпускников.**

При всём том ни в коей мере не следует умалять значение гуманитарного образования, формирующего широту кругозора, гибкость мышления, гражданственность, духовность.

Речь, таким образом, не о противопоставлении гуманитарного и естественно-математического, технического образования, не о приоритете одного над другим, а о поисках путей улучшения и того, и другого в их единстве и взаимосвязи.

В чём же тогда заключается гуманитаризация образования? В первоисточнике гуманитарный (*humanitus* — *лат.*) означает свойственный человеческой природе.

Гуманитаризацию образования следует рассматривать не в узком смысле — как увеличение в школьном расписании числа гуманитарных дисциплин, а в самом широком смысле — как формирование у человека особого, собственно человеческого отношения к окружающему миру, к самому себе, к своей деятельности. Применительно к профессиональному образованию гуманитаризация — это сугубо человеческая форма отношения к миру производства (в широком смысле) и к своей собственной профессиональной деятельности в этом мире.

Гуманитаризация образования — это и значительное усиление его эмоциональных компонентов, чему до сих пор не уделяется никакого внимания, — всё образование направлено лишь на развитие интеллектуальной сферы. Между тем, как утверждал замечательный педагог и психолог А.В. Запорожец, **не знания, а эмоции составляют ядро человеческой личности.**

Гуманитаризация образования противостоит его технократизации, направленности на подчинение человека служению лишь научно-техническому прогрессу. Основным результатом технократического образования — воспитание технократического сознания людей — узкого, ограниченного, рецептурно-технологического, мистического и агрессивного — того, что в течение долгого времени культивировалось в нашем народе.

Технократическое сознание требует рецептуры, чётко расписанной технологии. В каком-то смысле — это боязнь свободы выбора, боязнь войти в открытую дверь, отвечать за свои действия. Вот если дверь закрыта — тогда другое дело: можно кивать на кого-то, кто её закрыл, и со спокойной душой, ничего не предпринимая, ворчать на него... Человек гуманитарного сознания берёт на себя ответственность за свою судьбу, судьбу своих близких, за судьбы своего народа и всего мира. **Это прекрасное качество мы называем гражданственностью.** При таком широком понимании гуманитаризации образования существенно меняются акценты и приоритеты.

Непреодолимый парадокс нашего образования — надежда на государство. При чтении лекций перед работниками образования постоянно приходится сталкиваться с широко бытующими заблуждениями о том, что государство «учит» нас, наших детей: каждый молодой человек «обязан учиться», раз государство тратит на него деньги. А раз «государство выучило» того или иного человека, дало ему специальность, то он обязан работать по этой специальности. Подобные заблуждения, прочно засевшие в нас, происходят от отождествления общества и государства, что было выгодно тоталитарному режиму.

Давайте осмыслим это с точки зрения здравого смысла. Дело в том, что учит своих детей и учится сам каждый трудящийся на свои собственные деньги. Любой работающий человек — налогоплательщик, он платит налоги и это его недополученная зарплата. А государство как организационный аппарат общества должно лишь разумно распорядиться средствами, получаемыми от налогоплательщиков, целесообразно распределить их на нужды общества — на образование, здравоохранение, оборону и т.д.

Учиться — не обязанность, а, наоборот, право каждого человека (кроме обязательного начального образования). **Насильственное образование безнравственно!**

Ну, а если молодой человек окончил школу, затем профучилище, колледж, техникум или вуз и не пошёл работать по полученной специальности? Так ли это плохо и плохо ли это вообще? В социалистическом, а точнее сказать — технократическом обществе государство стремилось каждого приставить к производству, сделать из него «винтик» гигантской производственной машины.

В гуманистическом обществе государство обязано предоставить возможность каждому гражданину получить общее и профессиональное образование. **Ни общее образование без профессионального, ни профессиональное без общего не могут сформировать полноценного человека.**

Великий русский хирург и педагог Н.И. Пирогов высказал как то мысль о том, что школа пока ещё дочь общества, а она должна стать его матерью. Эту мысль сегодня повторяют, трактуя лишь в том смысле, что общество, государство плохо заботятся о школе: школа при этом как бы «престарелая мать», о которой взрослая дочь плохо печётся. Но вопрос следует ставить по-другому: **система народного образования в лице учительства, всего педагогического корпуса как заботливая мать должна взять на себя нравственную ответственность за будущее своей дочери — страны и её экономики.**

Влияние образования на страну относится к стратегии её развития. Ответственность системы образования перед страной гораздо выше, чем ответственность государства перед системой образования. Пора всем нам, работникам образования, это осознать: через школу, профучилища, вуз проходит каждый труженик страны — от грузчика, слесаря до инженера, врача, министра и президента России. Поэтому качество подготовки тружеников, их отношение к труду, их ответственность (совестливость!) — прямые производные качества образования. Именно в этом плане образование несёт перед страной огромную ответственность, оно — «мать общества» (или заботливый

отец — как хотите).

Как же несёт образование эту тяжёлую ношу ответственности перед экономикой? А вот как. Недавно мой коллега рассказал такую историю: в здании института надо было сделать евроремонт. Он обратился во все профессиональные училища города, где готовятся строители-отделочники. Там готовят маляров, штукатуров, плиточников и т.д., учебно-материальная база для обучения вполне добротная. **Но ни учащиеся, ни мастера производственного обучения не владеют современными технологиями отделочных работ: не умеют клеить стеклообои, работать с полихлорвинилом, с современными красками и лаками, которые требуют применения современных кистей и т.д. и т.п.** Спрашивается: зачем же эти профучилища готовят таких маляров? Ведь через пять лет «обычного» ремонта, пожалуй, уже и не будет! Все захотят сделать евроремонт. **Интеллектуальный потенциал этих профессиональных учебных заведений, квалификация педагогических кадров, научно-методическое обеспечение — безнадёжно устарели.** И такие примеры можно привести не только по профучилищам, но и по вузам.

А если увидите грязь, нищету, неопрятных студентов — это вуз государственный. Зайдите, ради интереса, в здание МГУ на Воробьёвых горах — дворец, который строила и которым гордилась вся страна, превращён, мягко говоря... в сарай. А ведь государственные институты и университеты тоже имеют так называемых «платных студентов», и в немалом числе. Только их деньги уходят... ну, в том числе, скажем, на отдых на Багамских островах — государство-то всё равно как-то содержит вузы. **Увы, сегодня на былом престиже государственные вузы долго не проживут — марка маркой, но качество образования подготовки специалистов — сегодня главная «марка».** В отличие от государственных вузов негосударственные, чтобы выжить и «вписаться в законные рамки», инвестируют средства, в развитие повышая качество образования. И уже есть много примеров, когда выпускники негосударственных вузов трудоустраиваются намного успешнее, чем выпускники государственных по аналогичным специальностям.

А вот негосударственные образовательные структуры эту новую систему подготовки кадров, новую систему ценностей воспринимают быстрее и лучше, чем наши государственные школы, училища, техникумы, вузы. Если вы зайдёте в какой-нибудь институт, (не глядя на вывеску) и обнаружите там чистоту, порядок, опрятно одетых студентов и преподавателей, самое современное оборудование, большие и удобные библиотеки, то можете не сомневаться: этот вуз — негосударственный.

Прошедшие десять лет для системы народного образования характеризуются тем, что она жила и работала в режиме самосохранения как традиционной централизованной, унитарной, государственной. Наверное, на том этапе это было оправдано: в условиях коренной ломки и стагнации экономики образование должно было оставаться государственной бюджетной отраслью. Но сегодня экономика стала развиваться. И в условиях рынка перед системой образования встаёт множество вопросов принципиального характера, в числе которых и такой: должна ли она оставаться целиком государственной? Не пора ли приступить в определённых рамках к разгосударствлению образовательных учреждений? Я не имею в виду приватизацию учебных заведений или, упаси Бог, посягательство на бесплатность образования. Вовсе нет! Проблему разгосударствления следует понимать, очевидно, гораздо шире — **уменьшение функций, снижение роли государства в управлении экономическими объектами при одновременной передаче ряда полномочий государственных органов экономическим субъектам:** развитие предпринимательства, замена вертикальных связей горизонтальными и т.д.

Из мировой практики известно, что любые государственные структуры, в том числе и образовательные, консервативны, малоподвижны. Они приучены получать деньги от государства, не заботясь об эффективности труда, о качестве своей «продукции».

При нынешнем так называемом «затратном» финансировании учебных заведений средства зачастую расходуются в первую очередь на сохранение учебного заведения. А как оно обучит школьников, сколько подготовит специалистов, по каким специально-

стям, какого качества будут полученное ими образование и профессиональная квалификация, будут ли выпускники востребованы на рынке труда — эти показатели становятся как бы «вторичными» для государственного учебного заведения.

Приведу такой пример. Недавно я побывал на Украине. Там в последние годы появилось много негосударственных «профессиональных школ». Эти школы стремительно развиваются, побеждая в конкурентной борьбе государственные профессиональные училища. Предприятия стали возрождаться, им нужны кадры, за подготовку кадров предприятия готовы платить. Но они требуют и соответствующего качества образования, чего государственные профучилища обеспечить не могут, и поэтому **предприятия поручают подготовку кадров негосударственным профессиональным школам**. Вплоть до того, что бывшие колхозы, которые теперь именуется ООО, ОАО и т.д. и т.п., оплачивают подготовку механизаторов, доярок и овощеводов в негосударственных профессиональных школах, вместо того чтобы воспользоваться бесплатными для них выпускниками государственных профучилищ. Аналогичная ситуация, уверен, начнёт в ближайшее время развиваться и в России. И не только в профтех-училищах, но и в школах, и в институтах.

Несостоятельность государственных профессиональных образовательных учреждений связана с нашим традиционным российским «нищенским» менталитетом. Недавно в одном профучилище мне с гордостью показывали 15 действующих станков с числовым программным управлением. Безнадёжно устаревших! Сейчас такие станки нигде не применяются и учить учащихся работать на них бессмысленно — рабочие с такой «квалификацией» уже никому не нужны... Ситуация эта сродни историческому примеру, ставшему классическим: в ходе второй мировой войны одинаково пострадали и экономика Германии, и экономика Советского Союза. Советский Союз в порядке репарации вывозил из Германии и устанавливал на своих заводах оставшиеся там после бомбёжек станки и другое немецкое технологическое оборудование, к концу войны значительно устаревшее, обрекая тем самым свою экономику десятилетиями использовать устаревшие технологии. А ФРГ начинала свою экономику практически «с нуля», беря кредиты и устанавливая новейшее, самое передовое по тем временам оборудование — это и был один из секретов «немецкого чуда».

Так что не пора ли поменять систему ценностей учебных заведений?

Рассмотрим три составляющие образовательного процесса — педагогические кадры, научно-методическое обеспечение, учебно-материальная база. Первые две составляющие — интеллектуальный потенциал образовательного учреждения, третья — материально-технический потенциал. В современном мире, в отличие от предшествующих исторических периодов, **интеллектуальный потенциал стоит дороже и накапливается, развивается труднее, чем материально-технический**. Пора, наконец, это осознать!

А вопросы финансирования учебных заведений? До сих пор здесь действует, как и в других бюджетных отраслях, затратная система — так называемое «финансирование от достигнутого»: в текущем году учебное заведение получает средств из бюджета столько же, сколько получало в прошлом. Может быть, с небольшим увеличением, **но независимо от того, насколько эффективно были потрачены эти средства**.

Система чудовищно неразумная. Поэтому остро стоит вопрос о переводе бюджетного финансирования образования на нормативное финансирование каждого учащегося.

Нормативное финансирование нашло отражение в Законе РФ

«Об образовании» ещё в 1992 году. Но вводить этот механизм не торопятся: в нём не заинтересованы ни учебные заведения (за полученные деньги придётся отчитываться числом выпускников и качеством их образования), ни чиновные структуры — тогда они теряют значительную часть своих властных полномочий. А кто же добровольно отдаст власть?!

Из мировой практики известно, что бюджетные средства надо давать не производителю услуг — учебному заведению, а их потребителю — учащемуся по принципу: «деньги должны следовать за учеником». Тогда учебные заведения будут заинтересованы в учащемся, будут дорожить им, качеством его подготовки. На повестке дня, таким образом, **остро стоит вопрос**

о ваучерном финансировании профессионального образования, готовящего кадры для экономики. Сегодня этот механизм всячески критикуют и учебные заведения, и органы управления образованием. Мотивы критики вполне понятны — они всё те же, о чём уже сказано.

А вот разница между затратным и нормативным финансированием — принципиальная. Простая схема. Сейчас государственный аппарат собирает средства в виде налогов со всех экономических субъектов: предприятий, фирм, учреждений, а также со всех трудящихся, которые платят налоги. Часть этих средств направляется на финансирование государственных учебных заведений — на их сохранение, поддержание, что, по сути, и является основной целью финансирования. А должно быть иначе: деньги налогоплательщика государственный аппарат должен направлять учащемуся — для его образования социализации. А учащийся по своему выбору отдаёт их тому или иному образовательному учреждению — государственному или негосударственному — без разницы. **В этом случае учебные заведения перестают быть целью бюджетного финансирования, а становятся средствами полноценного образования, подготовки полноценных кадров.**

Когда сегодня говорят о разгосударствлении тех или иных структур, как правило, подразумевают, в первую очередь, изменение собственника. Но дело не в этом. Чтобы избежать «приватизации» учебных заведений, их целесообразно оставить в прежних формах собственности — федеральной, региональной, муниципальной.

Можно использовать и английскую модель: в Англии собственником учебного заведения является само учебное заведение (обезличено). **И таким образом никто — ни директор, ни педагогический коллектив, ни чиновные структуры, ни сторонние юридические и физические лица — не могут изменить форму собственности.**

Главная задача разгосударствления учреждений образования в другом: чтобы они из пассивных получателей скудных бюджетных средств выросли в активных субъектов на рынке образовательных услуг, развили образовательное предпринимательство, самостоятельно выбрали горизонтальные связи с государственными и негосударственными структурами, научились бы самостоятельно зарабатывать деньги, в том числе «государственные», обеспечивая необходимое качество образования и давая выпускникам такую подготовку, чтобы они становились квалифицированными работниками, за которыми предприятия и частные фирмы будут охотиться днём с огнём.

Считается, что наша школа «готовит к жизни...». Эта фраза настолько часто произносится и пишется, что над смыслом её уже мало кто задумывается. Причём школа здесь подразумевается в самом широком смысле — и общеобразовательная, и все послешкольные образовательные учреждения.

Но ведь образование — это сама жизнь с её особенностями, принципами, нормами поведения, ценностями, с её драматургией. Это мир человека, одно из наиболее значительных средств его самореализации.

Вопрос в том, чтобы превратить образование из выполняющего исключительно инструментальную роль (подготовку к труду, к профессии, к восприятию прекрасного и т.д.) в ту сферу социума, самоцельную и самоценную, где ученики научились бы трудиться, создавать прекрасное, а не клеить никому не нужные коробочки, распиливать деревяшки до 8-го класса — до 14 лет! Обществу необходимо переосмыслить образование как явление не только социальной, но и экономической сферы.

Поставим простой вопрос: если образование, заполняющее детство и молодость человека, только подготовка к жизни (а это 17–23, 24 года), когда же жить? Вопрос не простой и не риторический. От ответа на него зависит функциональное рассмотрение той или иной образовательной подсистемы. Если она готовит к какому-то дальнейшему этапу образования, тогда нужно исходить из потребностей этого последующего этапа, что фактически сейчас и происходит. Либо каждая образовательная подсистема решает задачи, связанные с развитием человека, его социализацией, созданием условий для самореализации на его жизненном пути.

Пока мы однозначно имеем дело с первым подходом, что проявляется в структуре об-

разовательных ступеней. Действительно: дошкольное образование — как бы вспомогательная, подготовительная ступень для школы, основная её цель — интенсивная подготовка ребёнка к обучению. В детском саду форсированная подготовка к школе фактически вытеснила сегодня специфические формы жизни ребёнка, специфически детские виды деятельности.

Общеобразовательная школа до сих пор целиком ориентирована на подготовку молодёжи к поступлению в вуз. То есть и эта ступень не самооценна, а является лишь вспомогательным, подготовительным звеном для последующего продолжения образования. Содержание начального, среднего профессионального обучения тоже профилируется в соответствии с профилями вузов. В названиях этих образовательных ступеней, уровней содержится как бы преемственность, последовательность: есть начало, есть середина, есть вершина. Но это всё отдельные ступени, которые почему-то называются непрерывным образованием, хотя у этого понятия совершенно иное содержание и смысл. Конечно, было бы хорошо, если бы вся молодёжь последовательно продвигалась по этим ступеням. Но пока это не так. Для многих начальное профессиональное образование становится конечным. Получить его в 17-лет ещё вроде бы и ничего. Но представим себе, к примеру, высококвалифицированного слесаря-инструментальщика пенсионного возраста, профессора в своём деле. На изготавливаемой им технологической оснастке подчас держится целый завод, — а у него «начальное» образование?! Это же явная несуразица. Пора менять само название наших образовательных «ступеней». Название «начальное образование» у наших коллег в любых странах вызывает полное недоумение: во всём мире словосочетание «начальное образование» подразумевает 6–7-летних детей — и у наших иностранных коллег сразу возникает вопрос: как можно в зрелом возрасте обучать профессиям?

Нужен сегодня другой подход. ПТУ и техникумы — это, по сути, один тип среднего профессионального учебного заведения (хотя, естественно, с разным уровнем профессионального образования), разделённый ведомственным барьером. Но он успешно преодолевается самими учебными заведениями, которые реорганизуются в профессиональные лицеи и колледжи. Поэтому в нынешнем звучании начальное и среднее образование целесообразно, на мой взгляд, объединить общим термином **базовое профессиональное образование**, естественно, с несколькими уровнями и ступенями, что имеет место уже сегодня. Базовым же оно будет в том смысле, что **станет фундаментом, базой, которая поможет приступить к квалифицированному профессиональному труду.**

Принципиально отличным от него будет высшее образование. По названию оно даётся человеку на уровне высших достижений науки, техники, культуры. Возможно, когда-то оно таким и было. Но с расширением его массовости планка, уровень подготовки понижались и понижались. Есть, конечно, и сегодня некоторые вузы, готовящие профессионалов на уровне высших достижений — Московский физико-технический институт, МВТУ, возможно, ещё несколько институтов. Но в большинстве своём вузовская подготовка от «высших достижений» весьма далека. **Так что «высшее образование» сегодня приходится рассматривать лишь как исторически сложившийся термин.**

Таким образом, **необходима принципиально другая реформа всей сферы образования, с принципиально иными подходами**, рассмотрение каждой образовательной подсистемы не в качестве подготовительного, вспомогательного, второстепенного этапа, **а ведущего, определяющего жизнь человека не только на первых этапах, но и в последующей деятельности.**

И ещё об одном парадоксе нашего образования не могу не сказать. Любое производство, а образование — это область производства духовного, должна быть ориентирована на удовлетворение интересов потребителя, а не производителя. Школа для учителя — это нонсенс, до сих пор давящий над всей системой образования. Проведу такую абсурдную аналогию: представим себе, к примеру, автомобильный завод, который финансируется государством, но делает автомобили только для своих работников. Задача школы в новых социально-экономических условиях **не в навязывании программ и учебных планов, созданных в отрыве от реальных потребностей учащихся, а в выяснении самих этих потребностей,**

врождённых способностей, профессиональных интересов, чтобы в соответствии с ними строить деятельность педагогического коллектива.

Но пока что «центральной фигурой» в школе по-прежнему остаётся учитель. И здесь кроется ещё один удивительный парадокс — сдельная система оплаты его труда. Хотя она так и не называется, фактически действует давным-давно введённый порядок: заработная плата учителя прямо пропорциональна количеству проведённых им учебных часов. Большого издевательства над «центральной фигурой» — учителем и «нецентральной фигурой» — учеником трудно придумать. Имея нищенскую зарплату (при достаточно жёстком контроле), учителя вынуждены набирать как можно больше учебной нагрузки, лишая себя сна и отдыха, возможности культурного и профессионального роста. Но и у школьника положение не лучше: какие бы постановления, указы и т.п. ни принимались, какие бы реформы ни проводились, у ученика всегда, пока действует порочный финансовый механизм, будет 7–8, а то и 9–10 уроков — бежать от них ему некуда, в этом заинтересован учитель. В нашей российской действительности всегда найдутся любые лазейки, чтобы довести учебную нагрузку учащихся до физического предела, несмотря на «всеобщее стремление» разгрузить ребят.

До тех пор, пока не будет пересмотрен этот заскорузлый, неумный механизм оплаты педагогического труда, в невыгодном положении будут и ученики, и учителя.

Нищета нашей страны в значительной мере происходит от того, что в России традиционно любой труд всегда ценился очень дёшево — дешевле всех других ресурсов. В отличие, к примеру, от США, где труд ценится дороже любых ресурсов. Поэтому США — самая богатая в мире страна.

Классический пример можно найти в повести В.Г. Короленко «Без языка»: в Америку, в Нью-Йорк приехала русская барыня со своей служанкой. Через некоторое время к ней приходят представители американского профсоюза домашних работниц и спрашивают барыню, какую зарплату она платит своей служанке. Барыня удивлена: она служанку кормит и одевает, о плате никто и не думает, и служанка в том числе. Представители профсоюза предупреждают барыню, что она обязана платить служанке не менее минимальной установленной в стране заработной платы, иначе профсоюз подаст на неё в суд. **Скажите, что изменилось в нашей стране с тех пор?**

В Волгограде выпущена интересная и совершенно необычная книга молодого преуспевающего бизнесмена, создавшего несколько бизнес-инкубаторов (*Мороз Ю.* Бизнес: пособие для гениев. Волгоград, 1997). Книга написана в парадоксальных, иногда шокирующих выражениях. Приведу из неё всего одну цитату: «Если вы недовольны своей жизнью, если вы не смогли добиться, чего хотели, то, ради Бога, не занимайтесь сами воспитанием своих детей, не портите им жизнь. Доверьтесь удачливому и весёлому человеку, только проверьте, чтобы этот человек не имел педагогического образования. Это не шутка! Это совершенно серьёзный совет российского бизнесмена...»

Школа, в которой всех учат всему без учёта способностей и склонностей учеников, обречена на низкую мотивацию учения, на то, что учитель вынужден тянуть ребят за уши. Какими могут быть при этом знания? Каким — трудолюбие? Кем выйдет такой ученик из школы? В лучшем случае — бездельником. Что мы и видим вокруг.

В новых социально-экономических условиях требуется принципиально иная ситуация. В рыночной экономике знания, профессиональная квалификация становятся капиталом специалиста. Если ученик учится тому, что ему интересно, с чем он связывает свою жизнь, исчезают проблемы дисциплины и мотивации; учащиеся и студенты сами хотят учиться. Во главу угла ставится самостоятельная работа учащихся, самоорганизация их учебной деятельности. Образовательный процесс коренным образом преобразуется: позиция «учитель впереди ученика» должна поменяться на позицию «ученик впереди учителя» (кроме, конечно, начальной школы). **Вот тогда в жизнь, в экономику будут входить не инфантильные неумехи с люмпенским отношением к делу, а ответственные работяги — умелые, с высокой степенью квалификации.**

Сегодня кадры готовят, помимо системы образования, учебно-курсовые комбинаты, идёт

внутрифирменная подготовка персонала (то, что раньше называлось подготовкой и повышением кадров на производстве), обучение безработных, переподготовка военнослужащих и т.д. Но по нашей российской традиции эти образовательные структуры муниципальному начальству не подчинены. В каждом районе, городе были до недавних пор отделы народного образования. Затем наши «реформаторы» стали стесняться слова «народ» и появились органы управления образованием (образованием кого — коров, собак?). Казалось бы, судя по названию, они должны были бы «управлять» **системой образования всего населения, района, города, области**. Но они охватывают **только дошкольные учреждения и общеобразовательные школы**. Все остальные образовательные структуры для них — чужеродны.

А потому разобщены, живут своей жизнью, а чем занимаются, какие у них проблемы — это для регионального руководства «тайна за семью печатями».

Система образования рассредоточена сегодня более чем по 20 министерствам и ведомствам. Так ждуть ли от неё мощного влияния на экономику страны?

Самое массовое наше общеобразовательное учреждение — школа до сих пор носит замкнутый корпоративный дух. При всём глубочайшем уважении к российскому учительству отмечу одно весьма важное обстоятельство — профессиональный генезис школьного учителя. Ребёнок учится в школе, взрослеет, поступает в педагогическое училище, колледж или педагогический институт — это та же школа, только иного уровня. По окончании педагогического учебного заведения снова возвращается в школу — работать. Школьный учитель в подавляющем большинстве ничего другого, кроме школы, в своей жизни не видел, все остальные сферы человеческой профессиональной жизни ему неизвестны, непонятны, а то и чужды. В иных школах ребят до сих пор пугают заводом: «Будешь плохо учиться — пойдёшь в ПТУ и на завод». Поэтому практически в любой школе учитель труда — «чёрная кость», а труд — самый ненужный и вредный предмет, который лучше было бы ликвидировать! Но самое грустное в том, что **наша образовательная политика исходит из этих же позиций**. Сто раз перекраивалось содержание общего среднего образования, и всё неудачно, всё непопад. А всё дело в том, **что поручают это не экономистам, не производственным руководителям, а методистам — предметникам и учёным**. Каждый из них стремится изложить как можно лучше, полнее свой предмет — математику, физику, историю и т.д. с точки зрения своей науки — математики, физики и т.д., как будто все школьники пойдут в науку. А основная масса выпускников становятся и токарями, доярками, хлеборобами, врачами и т.д. Школьные знания им применить негде — они излишне академичны, а потому в большинстве своём — и не востребованы. Но чтобы создать видимость и связи с жизнью, и «личностно-ориентированной парадигмы» (ещё одна тотальная фальшь: всех ребят по-прежнему стрижем под одну гребёнку!), существует испытанный способ — показуха. Мне часто приходится посещать учебные заведения всех уровней, и в большинстве случаев картина практически одинакова: время посещения организуется так, что учебных занятий уже нет, и ребят нет, и школа напоминает чисто убранный... склеп. Всегда очень хочется заглянуть в лица учеников, узнать, что на них «написано». Визитёров знакомят с качеством отделки помещений, с ремонтом, показывают учебные кабинеты. Но как всё это «работает», как отражается на жизни ребят, на качестве их образования, поможет ли их жизненной успешности? Вам могут показать даже роскошный компьютерный класс, но частенько всё программное обеспечение к нему состоит из примитивного набора тупорылых компьютерных игр. Вот и вся «подготовка к жизни»...

Я не утверждаю, что так происходит повсеместно. **Но показуха пока что, увы, процветает в системе образования**.

Парадоксов, доставшихся нам в наследство, немало. И хотя сегодня есть уже множество передовых учебных заведений, сориентированных на новые социально-экономические реалии, на деятельность в условиях рыночной экономики, но так же много и педагогических коллективов, которые продолжают работать... как всегда.

Так кто же кому поможет: экономика — образованию или образование — экономике, начав выпускать в жизнь не толпы люмпенизированных неумёх, а людей, спо-

собных хорошо делать своё дело?.. На любом рабочем месте.